

Сиромая

Мермонах Рафам (Демьянов)

Иеромонах Рафаил (Демьянов)

Сиромтах

Духовные стихи и мысли

STAVROS

2022

Студи

* * *

Понять любовь — ты не поймешь,
 Вкусить, как яблоко познания, — не вкусишь,
 Объять не сможешь — ты умрешь.
 Лишь можешь полюбить любовь свою,
 Которая дана тебе от Бога.

* * *

Не говори, что было и что будет,
 Живи лишь настоящим — в этом суть.
 А там — как будет, ты не переменишь
 Того, что даст тебе Господь.

Я буду Тебя любить

Я буду Тебя любить,
 Я буду Тебя молить,
 Чтоб вместе с Тобой уйти
 В Твой несказанный мир.

Ты меня не презри,
 Ты меня не пройди,
 Ведь Ты Бог чистоты,
 И Ты есть Бог моей смиренной души.

Я Тебя обниму,
 Я Тебя в свое сердце впущу,
 Я Тебя до краев поглощу
 И никогда из своего сердца не отпущу.

Будь, Господь, моей добротой,
 Будь, Господь, моей чистотой,
 Будь, Господь, моей жизни покой
 И печали сердечной прибой.

Я не знаю другой глубины,
 Я не вижу чужой высоты,
 Только Ты во мне все и везде,
 Мой Господь, моя Бездна Любви.

Ты прости меня, Боже, за все:
 Ты прости меня за грехи,
 Ты прости меня за огни,
 Что дымятся страстями внутри.

Без Тебя мне их не залить,
 Без Тебя мне их не убить,
 Без Тебя моему сердцу не жить,
 Без Тебя мое «я» — это не «я».

Помоги, мой Господь, помоги!
 Помоги мне себя же найти,
 Помоги мне все зло отгрести
 И в Тебя всем сердцем уйти.

Пусть тоскует по мне этот мир,
 Пусть меня ненавидит, как гниль,
 Пусть ему я не друг, а злой враг,
 Потому для него я черный монах.

Боже, Боже, сердца печаль,
 Боже, Боже, меня не оставь,
 Боже, Боже, Твоими путями избавь
 От той жизни, где нету Тебя.

Будь осмотрительным душою

Ты просила меня сказать душе твоей что-то,
 Но тебя, какая ты сейчас есть, не могу я принять.
 От тех чувств, которые в тебе так бродят,
 И что душе моей их нужно прожить.

Прости меня — я видно тебя плохо слышу,
Твой вопль из пылающих сердца низов.
Прости меня, что я молчу на твой жалобный голос,
Который тянет меня на дно печали и злобной тоски.

Прости меня, что отвращаю я свой взор от твоей муки,
Она меня, увы, уводит от Бога Любви.
Прости меня, что я, как падальщик-ворон,
Твою боль растоптал в себе добротой.

Не хочу впустить твой мир в свою душу.
Он, как яд, как смерть, все внутри поразит пустотой,
Все разрушит в ней и, как огонь, возгорится,
Пожирая все живое и доброе в ней.

Я не дам твоим чувствам в себе развиваться,
Закрою им вход к любви тайникам.
Пусть от этого тебе будет грустно и больно,
Но сама ты пойми — они как рак для души.

Пусть будет криком кричать душа твоя долго
И на жалость к себе уловлять простоту.
Как капкан, как тенет она станет для сердобольных,
Убивая унынием духа тех, кто впустил ты внутрь.

Но ты, я прошу тебя, все умом осознай,
Посмотри, кто движет тобой и в бездну ведет,
Кем твоя мысль приводится в злобу
И кто нарушает твоего сердца покой.

Да, мое чадо, ты все мне не веришь,
Ты вся вошла в больное стоянье греха.
Исчезла любовь в твоей смешанной крови
От любодейства с духом гордыни, змием лукавства и зла.

Умолкни, молчи, злой ум от клокочущих мыслей,
Закройся, душа, для чувств, идущих от паренья ума.
Безмолвием чувств и ума погруженьем
Встречай, дитя, Бога, пришедшего внутрь.

Шум мирских чувств и суетных мыслей,
Он, как северный ветер, уйдет далеко.
Бог тихо любовью на душу повеет,
И ты Его голос услышишь в себе.

«Чадо Мое, любовь дорогая, — глаголет Спаситель,
— Я за тебя отдал Свою жизнь на Кресте.
Я избавил тебя от мучительства дьяволя
И дал тебе жизнь и свободу в груди.

Но только прошу тебя, Моя жизнь и отрада,
Будь сердцем кроток и смиренен внутри,
Потому лишь в такую, подобную душу
Мой Дух с высоты и может войти».

Закончилась скудная строчка на белой бумаге,
Которую ты просила на хартии сердца моего написать,
И вот теперь тебя, освященную Богом,
Я снова в душу свою погружу.

* * *

Скажешь: «Умри» — умру,
Скажешь: «Живи» — буду жить.
Я исполню любую волю Твою,
Потому что, Господи, без Тебя не могу,
Я Тебя очень, очень люблю.

Как много хочется сказать

*Я хочу сказать вам столь много,
Но от сердца идет только вздох:
«Помоги им, Господи, в этой суетной жизни
До конца сохранить сердца любовь».*

Как много хочется сказать вам теплых слов,
Чтобы согрелись ваши хладные сердца,

Чтобы любовь не знала истощенья в вашем сердце
И чтобы ей потоки благодати удержатъ.

Прошу для вас и для себя молитвы,
Тот дар смирения и слез в борьбе,
Когда Господь приходит по взысканью сердца
К душе невесте, как Церковный Женише.

Не бойся быть осмеянным народом,
Не бойся быть посмешищем в миру,
Для них одна лишь цель на этом свете —
Чтоб свою жизнь усладой усладить.

А я хочу вам пожелать другого —
Идти по жизни узкою тропой.
Пусть так трудна, крута и телом нелюбима,
Но лишь она возводит в Небеса.

Не знаю я, как долог путь ваш будет,
Или, быть может, времени совсем чуть-чуть,
Но только знаю я одно и точно —
Что крест земли нас с Богом единит.

А если вдруг случится остановка
И грех найдет на душу пустотой,
Вы на него презрите откровеньем сердца,
И вас Господь тогда любовью сохранит.

Люби, люби, душа моя, и кайся,
Я за тебя готов на крест и на позор,
Ведь там, внутри моего большого сердца,
Там мой Господь и там моя любовь.

Любите Троицу Святую неотступно,
Любите так, как любит вас Господь,
Любите так, чтоб все забыть на свете,
Любите так, чтоб было в сердце: «я и Бог».

Ваш день сегодня красками играет,

Вам шлет поклон уже осенняя пора.
И небо тучами покрыло землю,
Дождем любви вам заливая путь.

Дурманом леса опьяненные зверушки
Забыли про то счастье на земле.
Не нужны им ни сытость, ни свобода,
Им нужен рай от человеческой любви.

Мне очень хочется вам пожелать спасенья,
Мне очень хочется вам подарить покой,
Мне очень хочется, от сердца неумемного,
Сокрыть вас в тайне неведомой Божественной любви.

* * *

Хочешь — Я подарю тебе свет,
А хочешь — Я открою тебе другую планету.
Хочешь — Я стану твоею мечтою
И буду тогда, всегда и везде, вместе с тобою.

Как много чувств

Как много чувств в моей душе,
Как много мыслей в голове,
И мне от них никак не погрузиться
Во внутрь своей одной Божественной любви.

Как нужно нам душой трезвиться,
Как нужно нам в миру трудиться,
Чтоб все те соки тела и страстей
Увяли в нашем движущемся сердце.

Господь, прииди, я без Тебя не мыслю этой жизни.
 Я без Тебя в обмане суеты
 И ложных сердцу насыщений.
 Прости, не погуби и на зыскание спаси.

Мне нечем, Господи, перед Тобой гордиться,
 Мне нечего Тебе от сердца принести.
 Я, как уродец, весь неполноценен,
 Вещами тленными в душе растлен.

Не замолить мои грехи словами,
 Не выправить души моей делами,
 Не докопать до сердца родника
 Одними правильными мыслями от ума.

Моя душа, заплачь от боли,
 От прелестной любви, забывшей Бога,
 Заплачь, заплачь от горького греха,
 Повергнувшего тебя на дно клочущего ада.

Мой стон и вопль души на Небо
 Есть моя тонкая и твердая надежда
 На милость, кротость, на смирение Христа,
 Пришедшего спасти меня от смерти и греха.

Ты мой Господь, Ты здесь всегда:
 Со мной внутри и вне меня.
 Твое дыхание везде,
 Твой мир — во мне, и я — в Тебе, Владыко.

Как может быть, что жизнь в груди
 Надвое разделилась,
 Как может быть, что дух души
 С Господним нераздельно и неслитно слился?

Ум отказался понимать, вся логика пропала,
 И сердце лишь одно все это простое единство обхватило.
 Любовь к любви природой притекло,
 И неразлучно, неизменно они друг друга сохранили.

Я знаю, Бог — во мне,
 И никакой ученый мой опыт не оспорит.
 Мою любовь во мне ни жизнь, ни смерть, ни ангелы
 Не могут своим вторжением отнять.

Прости меня, Господь, что я с Тобой так просто говорю.
 С Тобою я на Ты, а с прочими — на вы,
 И по-другому не могу,
 Ведь Ты, Господь, во мне и я — в Тебе.

Господь, Ты мое «я», и я Тобой дышу,
 Тобой Одним все мои чувства движутся внутри,
 Тобой Одним вся моя мысль стоит,
 И Твою суть любви вкушает моя жизнь.

Как мне сказать о моем «я»,
 Как передать Небесное земною мыслью:
 Чем я живу, чем я дышу,
 Как я спасаюсь там, в глубинах сердца.

Поймешь ли ты, о человек, мои слова,
 Захочешь ли пойти навстречу Богу
 И ту молитву чернеца
 Приложишь ли ко своему спасенью?

Господь, спаси всех, кто ушел
 В плотскую жизнь — страну далече,
 Всех, кто любовью оскудел
 И позабыл свой дом на Небе.

Прелесть

Мои мысли опускаются долу,
 Когда тело остается в покое,
 Когда все соки его поднимаются к моей голове.
 И тогда плоть диктует свои злые законы.

Ты же знаешь

Ты же знаешь, что в мире есть и хорошее, и плохое.
Так и в душе человека есть и зло, и добро.
Все в этом мире движется по Божьим устоям,
И душа также живет по законам любви.

Я взял ручку и хочу сейчас написать души твоей образ,
Пусть плохой, пусть корявый, но честный.
Ты поэтому на меня, прошу, не серчай,
И если он не понравится, то его разорви.

Бог дал много доброго в душу твою:
Чистоту, любовь, состраданье.
Все это ты имеешь от рожденья в себе,
Только не потеряй все это на перепутьях.

Но для спасенья мало быть человеком хорошим,
Нужно быть еще и Божьим внутри,
Крест скорбей в своей жизни любовью нести
И не сломаться, не обозлиться, а духовно в любви возрасти.

Помнишь, как жизнь тебя кидала по дикому западу,
А после как тебя на восток понесла.
Ты пустыню сердец вкусила на английском стойбище,
Ну а вольность и беспредел — в российских краях.

Познала ты, дитя, на чужбине тоску одиночества,
Пустоту и никчемность от занятий в миру.
Познала ты боль и погибель невежества
Умных, хороших, но безбожных людей.

Хлебанула в миру ты всего в достатке и сверх,
Повредила себе от той жизни, которая вне,
Покой сердца внутри себя потеряла
И силу любви в себе истощила до нет.

Ничего, ничего, только б была от этого польза,
Только б умом все в себе осознать:
Свою слабость и страстную прелесть,
И Божию силу, и понять, как ее из сердца черпать.

Ты должна научиться, ты должна быть бойцом,
Не давать вражьи прилоги к себе подступать.
Знать их дух, откуда и как они к нам приходят,
И закрывать для них свое сердце и ум.

Будь открытой всегда лишь для Бога Благого,
Будь Его чадом и верной рабой,
Знай только волю святую Христову
И без рассуждений ее в любви выполняй.

Будь попроще, на многое внимание свое не обращай.
Жизнь есть жизнь, и она полна пресыщений.
Только тебе этим всем наполняться не надо,
Все в жизни мирское само собой отойдет.

Живи жизнью по Богу, в Его сладкой печали,
Живи беспечально в Его тихой любви,
Чтобы внутри тебя была твердая вера,
И ее, прошу тебя, страхом Божиим храни.

Не смотри, не смотри ты на неба закаты —
Они далеко и горят только ближе к ночи.
Но ты иди на восток, где твоего сердца рассветы.
Там найдешь свою боль и судьбы своей крест.

Вот, пожалуй, и все, все штрихи написал я.
Плохо ли вышло, не знаю, иль хорошо,
Ты сама разберись в моем рукоделье,
И если понравится, то на сердце его положи.

Искание

Скорбный гимн я пишу тебе, сердце,
Там внутри у меня что-то плохо до слез.
И не знаю, как наполнить мою душу смиреньем,
Как любовь мою внутри себя возлюбить.

Ты молчишь, мое сердце, меня оставляя в унынье,
Ты молчишь, и мне от этого так пусто в груди.
Ты молчишь и даже меня уже не ругаешь,
Видно, конченный я и Богом забытый вовек.

Я прошу у Тебя, мой Спаситель, прощенья,
Мой Господь, моя Сладость и Боль,
Моя Нежность и Жизнь Бесконечная,
Моя Радость и сердца Огонь.

Я пою Тебе мои грустные песни,
Я Тебе говорю свою боль.
Все открыто Тебе в моем страждущем сердце,
Так приди же скорее ко мне, мой Господь.

Ничего для Тебя мне, Спаситель, не жалко:
Ни вещей, ни здоровья, ни сил.
Если хочешь, возьми даже жизнь, не смущаясь,
Только б сердце Твое билось в моей бы груди.

Знаю я, что Ты слышишь меня безотказно.
Знаю я, что прильнешь к моему сердцу в верхах.
Сам Собою злую страсть опустишь в духовные бездны
И во всем моем сердце воцаришься, Господь.

Я призвал Тебя, Боже, я Тебя в себе приобрел,
Как драгую монету, от которой богатеет хозяин,
Как вино нехмельное, что веселит мою совесть,
Как любовь дорогую, за которую сердце себя отдает на костер.

Не ищи тех привычек, не ищи в себе доброты,

От которых бы сердце могло иметь в себе благодать.
Это идет не от твоей грубой природы, о человеке,
А это есть Божий дар, посланный с Небес.

Дар смирения Бог дает сердцу за труд и болезни,
За терпение в скорби, за жалость к другим,
И от этого сердце становится мягким и добрым,
Но, однако ж, и твердым, как камень,
к лукавству и злобе врага.

Без смиренья ты не спасешься, так что не думай.
Без смиренья наш ум презирает людей.
Без смирения сердце грубеет и топчет любовь,
Да и ту любовь, что есть в человеке,
без смиренья Господь отнимает.

Я люблю мою душу, я ее ко спасенью веду.
Я забочусь о ней, чтобы жила по Бозе,
Чтобы Бога любила, себя же забыла
И в любви Его до краев возросла.

Скорбный гимн я писал тебе, сердце,
А вот видишь, что со мной получилось:
Покаянием отверзлись мне милосердия двери,
И Тебя я, Господь, в своем сердце обрел.

*Пишу стихи, а для чего, зачем и для кого — не знаю.
Быть может, для того, чтоб заглянуть в себя
И там, внутри себя, найти свое же «я»,
Взглянуть ему в глаза и обратиться к Богу.*

Слава Тебе!

Рука пишет, язык говорит,
Сердце переживает, а ум от этого потока творит мысли свои.
Так о чем ты сейчас, мое сердце, страдаешь
И что мне в любви своей говоришь?

Ум снисходит в духовное сердце,
И там наше «я» по благодати рождается в Боге Отце.

Слава Тебе, мой Господь и Спаситель,
Слава Тебе за Твой в мою душу приход!
Слава Тебе, не могу замолчать от напора
Благодати и слез, наполняющих мя до краев.

Слава Тебе!

Как быть

Как быть в потемках глубины бездонной,
Когда ты видишь только грязь души,
И внутри сжимаются все чувства сердца
От исходящего в тебе потока благодати тишины?

Забудь, что говорит тебе рассудок твой о жизни этой.
Не верь тому, что будут говорить тебе друзья земли.
Ум сердцу подчини, когда погрузишься в стоянье света,
И вот тогда откроется тебе дверь простоты.

Адамовы слезы

— Кто тебя благословил так делать?
— Никто, но, старец, ведь это так красиво и хорошо.
— Да, это так, но ты никогда не освободишься от
своей воли и не станешь монахом, если будешь
поступать так. Я скажу тебе одно правило, а ты
постарайся его исполнить:
«Пусть будет хуже, но по-моему, чем лучше, но
по-твоему». Запомнил? А теперь иди.

Опечалилось сердце, заскорбела душа,
Что ты, чадо мое, не знаешь Христа.
Что забыл ты о том, за что изгнан Адам
И чем Ева прельстилась в райском саду.

Я свой ум погрехаю, даю сердцу ход,
Пусть оно повторит тебе жизни урок.
Пусть откроет тебе свои тайники,
Пусть научит тебя, как в жизни спастись.

Ева, наша праматерь, прельстилась красотой
И этим ложным добром она Адама на грех навела.
Преслушания грех вкусили они
Сначала умом, а потом и волей своей.

Разве Адам был плохой, что он от Бога так отошел?
Или Ева разве была глупа и жила тупой пустотой?
Нет, но Бог был их Отцом
И все, и вся наполнял внутри и вне их.

Усомнился Адам в словах Бога Отца,
Пошатнулась вера его в благость Творца.
Мысль проскользнула, что Бог не любовь,
И сердце ушло в эту ложную мысль.

Ум стал дебатым, сердце — как лед,
Гордость пришла: «И я буду как Бог».
Страсти ожили, из бездны души поднялись,
Смерть вкусил грешник и рабство обрел.

Бог отвернулся, Он не мог на это без боли смотреть,
Неутешная скорбь пронзила все Его существо.
Горький стон: «Адам, где ты, чадо Мое?
Ты ведь сын Мне по сердцу, и Я есть твой Бог».

Но теперь уж Адам не внимает Отчим словам,
Он погряз в своем мире, где Бог далеко,
Познает свою новую жизнь, ту, что вокруг,
А мир, что внутри, все глубже и глубже уходит на дно.

Ты слышишь слова его, в них дерзость и бред:
«Мол, Ты мне, Господь, сие искушение дал,
Ты есть виновник паденья моего
И не я страдать должен, а Ты, Господь, за мой грех».

О горе великое, горе душе!
 От преслушанья помрачилось трезвенье ума,
 Смирение сердца ушло в никуда,
 И тишина, как путь единения с Богом, исчезла совсем.

Беда! Бог оставил тебя, о душа!
 Сыновство твое разрушилось вмиг.
 И кабала грязных страстей навалилась на ты,
 И ты стала рабой человекоубийцы врага.

Но послушай меня: как ниспала, так и вернись,
 Нет другого пути возвращенья Домой.
 Только одно послушание, только оно единит
 Нашу волю с Божьей святой.

Там в слиянии воля мы находим покой,
 Пусть по жизни идти будет трудно порой.
 Но от бремя Христа к нам приходит любовь,
 И она тебя, человек, возведет в Небеса.

Так закон и обитель нам говорят.
 Ты его знаешь, чадо, но, может, забыл:
 Чтоб волю свою Христу подчинить,
 И она есть в воле игумена, старца и ближних твоих.

Ты пришел в монастырь не затем, чтоб работать и есть,
 А чтобы спастись и Духом Святым богатеть,
 Чтоб любить и быть человеком,
 Быть хорошим и добрым, и Божьим во всей полноте.

Так помни же, чадо, заветы духовных отцов.
 Исполнение их к бесстрастной любви приведет.
 Путь послушания есть легкий и самый простой,
 Он заложен в корне всех отеческих слов.

Я думаю, что ты все поймешь,
 В гордыне отца своего не осудишь.
 Смиреньем исполнишь мысли свои
 И сердце наполнишь послушаньем любви.

Я раздражился на себя

*Где есть истинное послушание,
 там нет духа гордыни.*

Я раздражился на себя.
 За что? Да за гнилое сердце.
 Не любит, не милосердствует к другим,
 А только свое «я» страстями убажует.

Когда же ты, моя душа,
 Когда же ты родишься свыше?
 Когда к Спасителю взойдешь в слезах
 И в покаянии отступишь от греховной жизни?

Ты думаешь, а жизнь уходит.
 Под старость ты надеешься предать себя на крест,
 Но как же ты потерпишь его муки,
 Когда саму себя не можешь потерпеть?

Душа моя, душа-блудница и предатель,
 В тебе скопилось все множество грехов.
 Ты стала бесом во плоти, без покаянья,
 И образ Божий исказила весь в себе.

Молись, несчастная, молись и плачь, не преставая,
 Бог рядом, Он не оставил в забвении тебя.
 Он в мыслях и в духовном сердце пребывает,
 Он, как птенца, тебя Своим дыханием хранит.

Отчаянье оставь, оно от дьявольской посоли,
 Из сердца выбрось мирской дух.
 Очисти душу от греха налета
 И просветленным поднимайся в Небеса.

Господь, Его всевидящее око
 Не заслезится, не померкнет от времен.
 Оно взирает на помышленья сердца

Твои крыла души подрублены лукавством дел,
Нет простоты души, а есть мирская простота,
Которая прельщает простецов, а Бога удаляет от тебя.

Но есть в тебе и райская закваска,
Твой ум нашел себя внутри твоей груди,
Натер мозоль любви в твоём духовном сердце,
И там при погружении встречается с твоим Творцом.

Но я хочу, чтоб плакало и сокрушалось сердце
От слов «помилуй мя» и знаменья креста,
Чтобы бросало в низ души свои грехи и страсти,
И чтобы Бог по ним взошел к сердечным небесам.

Любовь в тебе горит, но ей так мало пищи,
И это потому, что ты так любишь свое «я»,
Его лелеешь, щадишь и Богу в жертву не приносишь,
Как Авраам на жертвенник принес своего единственного сына.

Любовь безумным сделает тебя для мира,
В уметы вменишь ты все блага бытия,
Да и всю жизнь ты принесешь Христу во всеожженье,
Ради того, чтоб Дух Святой вселился бы в тебя.

Прости, но ты уже устал, мой ум, стоять внутри меня,
Да и мои слова пока достаточны для сердца насыщения,
Усвой их там, внутри себя, забудь о плоти бременной,
Тогда и дух твой будет восходить от нижних к Небесам.

* * *

Как плохо быть, Господь, в плену страстей.
Как тяжело сознавать, что я Тебя оставил.
Как гнусно быть рабом своего плотского тела
И быть за это изгнанным из Рая.

Но делать нечего — что есть, то есть.
И из помойки этих чувств придется как-то выбираться.
Терпением идти вперед, забыв про жалость к плоти,

И от сердечных мерзостей молитвой отгребаться.
Клин клином вышибают, так и те злые помыслы,
пришедшие вовнутрь,

Которые страстями стали и обросли лукавою мечтой.
Я их в страданье превращаю, измучив ими душу.
И ко Христу, в бессильи чувств, я в покаянии припадаю.

Возри, Господь, на мою боль и сердца откровенье,
Услышь молитву, не отойди от Твоего жалкого творенья.
Да, я та грязная земля и Твоего лика отвращенье,
Но я еще, Господь, прости, и образа Твоего отображенье.

Я плачу, слезы льются по щекам моей души.
Я так себя, Господь, корю и сетую на свою волю
За то, что так Тебя я предаю
И на страдания Тебя своею нелюбовью осуждаю.

Мне эта грязь греха легла на сердца чистоту,
Забив все чувства плотскою игрой.
Я в ней свободу потерял и покаяние задвинул
На самый низ своей потерянной души.

Страсть разрослась, мучительной стала,
Жизнь стала мне горчее полыни.
И небо показалось с малую овчинку,
Мне говоря, что плоть наследовать не может святость Неба.

А мне, Господь, ужасен не сам грех,
Не то, что он противен и коварен,
А то, что сердце хочет этих мерзких чувств
И отрывать себя от них никак не хочет.

Не мыслит сердце бытия без страстных наслаждений,
Не видит Неба без утех земли.
И Бога представляет злым
За то, что Там Он отнимает эту прелесть.

Больна, больна моя душа.

Ушла она вся в толщу обольщений,
Не мыслит Божьего добра,
А только жаждет адского паденья.

Терпением, душа, закрой все шлюзы чувств,
Поклонами, тугой молитвой
Обезобразь красу прелестного греха,
И подожди, пока опять придет Спаситель.

Он знает место, знает час,
Когда Ему войти в души обитель.
Он не заставит Себя ждать,
Когда душа терпением смирится.

Поверь, все это будет: будет мир,
Ты вновь с Христом в любви соединишься.
Забудешь все, чем зло жила,
И на прошедшее уже не обратишься.

* * *

Мою любовь, Господь, прими в любовь Свою,
Мою печаль содей радостворным плачем.
Моей души ничтожную частицу покаянья
Пожри, Господь, как жертву примирения с Тобой.

* * *

Клин клином вышибают, так и мои грехи,
Которые прошли чрез правильные мысли
В глубины сердца, до корней души,
Проникшие до самых тайников Святого Духа.

Молю Тебя, Господь, молю и плачу...
Я их считал за святость, за любовь,
Что Ты во мне Своим Умом все движешь,
И Ты во мне Своим благоразумием стоишь.

Но моя прелесть, мой обман —
Все это зло во мне открылось через осознание,
Когда я высказал всю эту правду, в которой нет любви,
Когда я ощутил всю скверну внутреннего ада.

Грехом из сердца вышел грех,
Я осознал его, когда он претворился в дело,
Когда в устах моих открылось зло и осуждение,
Тогда я понял, что это страсть, скрывавшая себя
под строгою личиной правосудья.

Мне стыдно, больно, тошно мне,
Что я в себе так долго и правдиво
Носил всю эту желчь греха
И думал, что в этом есть Божественная воля.

Прости меня, Господь, прости и не остави.
Я осознал свое паденье и свой грех,
Что я так глупо и наивно доверял себе
И что Твой дух любви не уловлял в своих движениях сердца.

Но я во всем своем паденьи
Вижу Твою руку, Твой Промысл обо мне,
Твою любовь, Твое смирение
И Твое, Господи, поистине Отцовское долготерпенье.

Одновременно умиляюсь и страдаю я,
Что Ты во мне, Господь, терпел души моей уничижение,
Заклан был нелюбовию моей,
И ждал моего к Себе ты обращенья.

Господь, Твоя любовь безумна и очень велика,
Она меня из рамок сердца расширяет без предела,
Она меня своею жертвой поглощает до конца
И мертвым делает для жизни в этом мире.

Душа моя, ты столько падала и вновь вставала,
Тебя Господь все время Своею добротой согревал.
Тебя он правдою Своею от Себя не отвергал,

А только милостью Своею все больше и сильнее наделял.

Но ты ищи Христа, найдя, держи
И от себя не отпускай ни на минуту, ни на миг.
Люби Его, люби любовью ненаглядной,
Взахлеб, до помрачения ума, до упоенья чувств
внутри сердечных хлябей.

Пусть будет Он тебе твоим Отцом,
А ты — Его усыновленным чадом,
Пусть будет Он всегда в тебе,
И ты будь в Нем любовью кроткой и смиренной.

Душа, когда она живет по духу покаянья,
То даже зло, которое с ней приключится по соблазну,
Она его все перемелет в доброту
И благодать получит от смирившегося сердца.

Имей такую мельницу — Христа в себе,
Имей такую жизнь по Богу,
И вот тогда Господь войдет в тебя
И будет пребывать с тобой сейчас и в будущее время.

Вот я, Господь, с Тобою говорю о всем,
И Ты — во мне, и мне Ты внемлешь,
Но стоит мне хоть что-то утаить по страсти, для себя,
То сразу я теряю связь с Тобою и ухожу в пустоты
ложного блаженства.

Не покидай меня, Господь, во искушеньях,
Не оставляй меня в объятьях вещества.
Мне так не хочется любить себя,
Но Сам Ты видишь — я еще духовно слабый.

Веди меня, Господь, Своим путем,
Который исцеляет от проказы эгоизма,
Веди меня к Своей любви,
Которая мне есть и Путь, и Истина, и Жизни приобщенье.

* * *

*Если бы вы жили в послушании, то у вас была бы
любовь, а ее признак — она своего ничего не имеет: ни
земных вещей, ни даже мыслей.*

Господи, дай открыть мне свою душу,
Дай Тебя мне в сердце понимать,
Что со мной внутри меня же происходит
И куда потом, по осознанию, моему «я» пойти.

Я не буду мудр словами,
Я не буду их красою обводить,
Что родится в моем сердце,
То по-простому и буду говорить.

О любви хочу сказать я,
О той милости Христа,
За которую готов отдать я
Все, что есть во мне и вне меня.

Я люблю Тебя, мой Боже,
Я не вру — Ты есть во мне.
Я хочу сказать еще и боле:
Как Тебя, Господь, я в сердце от другой любви буду отличать.

Ум застыл, вращать не хочет мысли,
Умер в сердце всякий интерес
До бытийной жизни внешней,
До плотских страстей внутри.

Лень ума приходит от прилива чувств из сердца.
От того, что там внутри,
Мое «я» насыщено Какой-то Силой,
От Которой грудь вдыхает и не хочет выдыхать.

Расширилось сердце благодатью,
Вглубь его пришла любовь.
От нее ты стал как пьяный,

Любишь все и даже бесов, потому что Бог — во всем.

От малюсенькой песчинки,
От святых и до врага,
Любит сердце без предела,
Всех вмещает в свое «я».

Жалость в сердце происходит,
Всепрощенье и покой,
Так любовь себя являет,
Когда есть внутри Господь.

Но любовь, она тогда лишь любит,
Когда жертва есть в тебе,
Когда мысль твоя свое не знает,
А дает уму сердечный ход.

Во смиреньи — Божья воля,
Смерть гордыне в нашем «я»,
Тропы жизни только там проходят,
Где горит огонь любви.

Глупым будь — безумцем сердца,
Не давай рассудку внутри себя торжествовать.
Послушания душевным устроеньем
Не давай уму добро на зло распознавать.

Возвратись к истории Адама до паденья,
Вспомни, каким был он Там, в Раю,
Как сердечною любовью он и жил, и мыслил,
И рассудку места в сердце не давал.

Ну, а после преслушанья,
Ум над сердцем стал дозвлеть,
К мыслям страсти подключились,
И чрез них стал змий лукавый внутрь души твоей входить.

Все тебе это знакомо,
Но ты сделай для себя урок,

Распознай в своих душевных чувствах,
Где в них Бог, и где в них враг.

Это дело непростое
И для сердца не пустяк,
Ведь за этим распознаньем
Формируется твой дух.

Может, плохо написал я
Или непонятна чувств моих строка,
Может, что-то позабыл я
Или что прибавил от своего ума.

Но вот так уж получилось,
На меня ты не серчай,
Прочитай, пойми и дух смиренья
Ты по Божьей милости в себя вмещай.

* * *

Я хочу, покажи мне, Господь, тот мир без Тебя,
Покажи мне то горе, где слезы текут без тепла,
Открой моему грубому сердцу,
что Дух Твой Святой во мне говорит:
То место и чувство, которое названо
в Священном Писании — «ад».

Святые просили у Бога любви:
Дай, Боже, познать нам не райские доли,
а глубины адских стремнин.
Почему и зачем? Чтобы, Боже, сильнее держаться за Тя,
Чтобы сердце боялось от Тебя отойти,
любовь бы ценило и тянулось к добру.

Бог внимлет молитве и слышит меня:
Что ты просишь, дитя, то Я тебе покажу.
На доли секунды ты увидишь тот плач —
Не бойся, все будет по силам, и ты не умрешь.

А по закону буквы, тогда и волю человека он жестко
подминает под себя.

Но может быть неправильность и от послушников самих,
Когда они лишь голые уставы принимают,
А дух любви, к несчастью, оставляют,
И душу им никак не наполняют.

Дух послушания — двоякая работа сердца,
Она в борьбе с своею волей и грехом.
Когда пустоты в сердце происходят от ухода эгоизма,
Должны они заполниться смиреньем
от видения Бога внутри себя.

Остановись на этой мысли о наполнении души,
Усвой ты твердо для себя законы духа,
Что ты без насыщения любовью и кротостью Творца
Надломишь свою душу и в прелесть попадешь.

Но ты не бойся тех опасностей, которые нам в жизни предстоят,
Не бойся послушания, которым шли подвижники святые.
Они нам путь к спасенью проторили и показали свет.
И мы, идя по этим тропам болезнующего сердца,
придем к любви Небес!

А я окаянный

Как хочется мне описать ту душевную тугу,
От которой трепещет мое сердце внутри,
Как хочется мне высказать все мое горе наружу,
Что наболело во мне от долгой борьбы.

На глазах я — один, а в душе я — другой,
Сам себе я порой удивляюсь,
И зачем, не пойму, над моею слабой душой
Вьются черные мысли, как вихорь какой.

Мне не плакать, не выть, не кричать и не биться
головой об стену,

Все замолкло вокруг для меня в один миг.
Я стою в пустоте, и желтое знойное лето
Мертвой природой наполняет мое пространство внутри.

Ничего не поможет: ни пища, ни сон, ни больница —
Мое сердце упало в нелюбви пустоту,
Жизни потоки забиты заботой
О житейском, о прошлом, о рае земном.

Не хочу, не хочу, а ты, мое сердце, их навеваешь,
Эти грязные мысли и чувства земли.
Я откажусь, а ты заставляешь
Эту горькую прелесть мне душою вкушать.

Не сбежать мне ни телом, ни мыслью от мира,
От того, что внушает мне наш супостат.
Только одно мне в борьбе помогает
Человеком себя в этом аде души ощущать.

Я человек, от животных себя отличаю
Только тем, что смотрю я с надеждой наверх,
Вижу любви голубое бескрайнее Небо
И недра Его, Которые есть моя родина и есть моя мать.

Там Небесный Отец нас рождает Своею любовью,
Открывая нам ум Своей простотой,
Там дает нам Он жизнь и свободу избранья,
Выбирай, что по сердцу тебе: дух или плоть.

Оставляю себе желанье Небесного Рая,
Как бы в жизни я сильно ни пал.
Все приелось, и надоело мне в сердце земное.
Господи, я к Тебе прилепился всею своею душой.

И когда я умру и пойду на Суд Страшный,
Киноплёнка души моей откроется всем,
Я увижу себя со стороны, как будто я внешний зритель,

Как можно понять и как можно объять
 Две личности в одном человеке:
 Мое «я» и Христа, мою смертность и вечность,
 Мое грязное сердце и Божье святое.

Но вот так Господь дал и вот так завещал
 Восходить нам любовью на Небо,
 Чтобы страсти в груди не тянули к земле,
 И чтоб нам обратно не пасть по восхождению.

О мысли плохой

Давай поразмыслим о мысли плохой,
 Которая к нам приходит от бесов,
 Как она прет в наш ум, жестко и напролом,
 И как она лезет к нам в сердце бесцеремонно.

Знай, дьявол всегда приходит извне,
 Он не имеет корней в нашем сердце,
 Для него лишь одна зацепка ума —
 В правильных мыслях, где нету добра, и в красотах
 искаженного мира.

Когда я грешу и лукавую мысль
 Я в себя пропускаю,
 То чувствую, как этот ползучий гад
 Под ласковый шепот страстей обвивает мое бедное сердце.

Я трудом и молитвой его прогоню,
 Отступят на время грязные мысли.
 А потом он опять ко мне приползет
 И живот свой положит в проторенных мыслях.

Говорит мне наш враг: «Посмотри на меня,
 Разве злой я и нехороший?
 Сделай так-то и так, а обман — все пустяк,
 Зато будет тебе, как ты хочешь».

И опять я в плену, и опять я в мечтаньях,
 Мне обман проникает в сердечные бездны.
 Больно, больно душе, но ничего не поделатъ —
 Сам виноват, сам дал место в сердце врагу.

Я когда выбираюсь и в себя прихожу,
 На душе остается потом как помойка.
 Пустота, раздражение, уныние, зло —
 Признак того, что во мне побывал змий лукавый.

Что же делать, Господь, научи, подскажи,
 Как от власти врага мне освободиться,
 Как мое «не хочу» станет твердой стеной
 И повелительным словом для мыслей лукавых.

Открывает Господь Свои тайники,
 Дух любви от сердца исходит.
 Там, внутри, ко мне Господь говорит:
 Будь всегда смиренным и кротким.

Твоя кротость души в твоём познании «я»,
 Оно всегда шатко и валко.
 Нету силы в нем никакой, только гордость одна,
 Да страстей неудержная пылкость.

Эту горькую правду ты в сердце держи,
 От нее родится в тебе покаянье.
 Его слезы в тебе привлекут благодать,
 И тогда милосердие Бога переменит их в плач радостворный.

Милость Бога Любви заполнит тебя,
 И память Его вытеснит всякую тварную память.
 Ум забудет себя, будет видеть только Творца
 И любовью Его в себе наслаждаться.

Но, когда мысли врага к тебе приблизятся снова,
 Ум, как от пламени, еще с большею силой воспарит в Небеса
 И будет в Боге стоять, и Христа прославлять,
 Доколе сердце будет трезвиться в смиренности.

Душа поняла все, спасенье пришло,
 Нет отчаянья больше у сердца.
 Я Тебя, мой Господь, в себе приобрел
 Покаяньем и сладкой молитвой.

* * *

Подари мне лучик света,
 Подари мне сердца боль,
 Подари мне лето счастья
 И любви Твоей покой.

Я хочу к Тебе на Небо,
 Я хочу к тебе, Господь,
 Я хочу к Тебе в объятия,
 В Твою райскую любовь.

Но меня здесь держат страсти,
 Плачут, воют и кричат,
 Добивают мое сердце
 Своей жизнью во грехах.

Помоги мне, Боже Правый,
 Помоги мне все понять,
 Помоги мне страсть отринуть
 И Тебя душой объять.

Никуда не деться гневу,
 Никуда не убежать,
 Никуда не спрятать совесть
 От огней любимых глаз.

Почему так в жизни трудно?
 Почему мне все не так?
 Почему тоскует солнце
 По луне в закатный час?

Не понять и не исправить
 Что творится вокруг нас,

Что приходит и уходит,
 А что вечно внутри нас.

Так оставь все, что уходит,
 Не держи в нем души луч.
 Покидать земли объятья
 Нужно прежде смертных уз.

Я прошу Тебя, мой Боже,
 Я прошу Тебя, Господь,
 Ты прости меня за гордость,
 За мою превратность чувств.

Пусть Любовь Твоя поможет,
 Пусть меня она возьмет
 В Небеса беззвездных далей
 В глубину бездонных бездн.

Там Твоя любовь святая,
 Там мечта моя живет,
 Там души любовь земная
 Не находит предмет чувств.

Уходящей жизни сладость
 Мне теперь уж нипочем,
 Мне она уже не скажет:
 Почему ты не со мной?..

И не мучит душу злоба,
 Не терзает сердце скорбь,
 Не рыдает больше память
 О потере мирских грез.

*Господи, дай любить Тебя, как Ты меня любишь,
 Дай Тебя мне в сердце найти,
 Дай Тебя мне в себе же увидеть
 И в Тебя до конца мне уйти.*

Господи, дай мне спасения,
 Дай мне любовь.
 Дай мне то, что Сам Ты имеешь,
 Только не оставь, потому что Тебе все возможно:
 Дать мне жизнь и дать мне любовь.

Неужели в самом деле
 Все уйдет неведомо куда?
 Эти звезды, это небо —
 Все совется и исчезнет навсегда?

Во всем есть смысл, и нам отчасти он открыт.
 Жизнь на земле изменится в другую.
 Бог Сам нам будет Жизнью, Солнцем и Покоем,
 И смерть уже не будет властвовать в сердцах.

Когда умру, что ты увидишь Там?
 Леса, поля, долины и овраги?
 Или безжизненность пустынь, холодный камень гор?
 Не думаю... Все это было в этой жизни,
 А Там увижу я Христа.

Моя воля там, где «я»,
 Где стоит мое живое сердце,
 Где болеет духовный человек,
 И где он уходит в вечность.

О Вечности писать? А я Ее не знаю.
 Она, как дымка сизого тумана,
 Пройдет сквозь души, след оставив.
 И мне ее не уловить в объятьях чувств
 И гордого ума.

Не знаю как понять, как описать страдания
 Души и тела, когда они в раздумье
 Над тем, куда пойти им — в жизнь или на смерть?
 Люди, кто стяжал смирение идут на жертву
 без всякого на то смущенья.

Все надоело: и философия, и ум.
 Мне простоты на сердце не хватает.
 Стряхнуть с себя все мысли, как обман,
 И место предоставить Богу в сердце.
 Пусть говорит и мыслит Он,
 А я Его любовью буду наслаждаться.

Куда ты, куда ты несешься, душа?
 Награды и слава — они не для тебя.
 Твой путь иноходца, бродяги в сердцах,
 Его избери и им ты иди.
 К себе отверженьем ты Божью любовь привлечешь.

Запорошил ты ум, затуманил глаза
 Небывалой красотой, что рисует фантазией ум.
 Отойди, отойди, сбрось с себя наваждения сон
 Крестной смертью Христа и любовью Отца.

Мне не жалко любви, мне не жалко мечты,
 Свою душу отдать я готов без оглядки.
 Мое сердце внутри залито огнем
 Твоей жаркой любви и терпким смиреньем.

Печаль не для хороших,
 Печаль дана плохим.
 Она тоской на сердце ляжет
 И сердце покаяньем усмирит.

От начала до конца жизни временной моей
 Буду я смотреть туда, где горит моя звезда,
 Где рождается Христос, где на древе умирает,
 Где любовью воскресает и внутри меня спасает

Ложись, Я буду беречь твой сон,
 Буду от мрачных духов тебя покрывать,
 Буду сердце твое дыханьем Своим согреть,
 Чтобы жило оно и любило всегда. Спи.
 Я буду тебя охранять.

Я описать хочу то состояние,
 Когда душа Божественной энергией покрыта.
 Но и хочу сказать: когда за отречение и грехи
 Она становится пустою и больной,
 теряя благодать Святого Духа.

Все в трудах и заботах, один я — лоботряс.
 Ну так что такого, если я — не фанат,
 Если я не умею в этой жизни играть,
 Если я объюродил и ушел сам в себя.
 Господи, я стал человеком, который для себя не живет.

Адамовы слезы льются ручьем.
 Что же я наделал? Как, Господь, я буду жить?
 Как же мне Тебя любить,
 Когда Ты меня — покинул.

Стихи захочешь ты писать иль говорить,
 Сначала дух уйми и погрузись в себя.
 Пусть замолчит безумный голос твоего «я»,
 И тогда Бог в тебе откроет любви Своей потоки.

Заигрался я мыслями,
 Закопался я в душе,
 Кто разрулит мои мысли
 И в порядок чувства приведет?
 Нет такого человека,
 Нет такой живой души.

К моему сердцу может прикоснуться
Только Бог Своей рукой.

Пишу, пишу и мысль не остановишь,
Рифмует ум слова любви,
Давно бы спать, а мне не спится:
Я в мир иной чрез вдохновенье душою ухожу.

Отговорило все и отболело,
Нет больше места для потерь.
Теперь я счастлив — нет печали!
Во мне есть мир Твой, Боже,
И те, кого Ты дал мне.

Как это будет называться, как это будет проходить —
Мне неизвестно, я не знаю..
Может Ты мне дашь знак Свой,
И я тогда пойму суть тишины.

МЫСЛИ

Неумелые строчки... Ум, неповоротливый и грубый, не может отразить ту внутреннюю красоту, которую открывает Бог человеку внутри. А, может быть, так и надо, потому что эти грубые строки может понять только человек одного с тобой духа.

* * *

Не хочешь, а мысли лезут. Говорил же себе — прошлое не вспоминай, тем более не свое и то, чего сам точно не знаешь. В этом — грех, так как все эти воспоминания связаны с мечтательностью, и после на душе остается нехороший осадок, какое-то тягостное томление и злоба, а любовь уходит. Хочу видеть в человеке чистоту, любовь и все, что из нее исходит.

* * *

Гляжу в окно — шесть утра, начинает светать; на улице уже сыро и неудобно, начинаешь немножко тосковать по лету, но мужественность приходит именно в эту осеннюю пору, когда расслабление тела уходит. Во всем есть свой смысл и своя польза.

* * *

Да, суета приносит много мыслей и пусть нужных для тела, но для души совсем не нужных и пустых дел.

* * *

Давно уже не служил. Ночью служишь один в свое удовольствие — мысли собираются, внимание концентрируется, и от этого отдыхаешь.

* * *

При расставании всегда бывает тоска, это естественно, но больно, и это нужно перетерпеть. Как ни совершенен человек на этой земле, от всего зависит: и от внешних факторов, и от внутренних.

* * *

Когда человек перестает жить и когда начинается? Наверное, смерть наступает, когда чувства затухают и жизнь становится обыденной и пустой, радость только снаружи, а внутри — пустота. А когда начинается жизнь? Наверное, когда сердце начинает чувствовать боль и радость другого человека, когда ты не один и хочется верить, ждать и любить. Не всегда зло есть зло, а добро есть добро, все познается по плодам, и для этого необходимы время и ожидание.

* * *

Не знаю, много или мало переживаний в моем сердце, но хочется их все предоставить воле Божией, ничего не хочу своего и от себя, хочу иметь полное упование на Христа: как Он, как Его любовь рассудит, так пусть и будет. Пустая голова и полное сердце — это от Бога, когда наоборот — от дьявола. Есть ли во мне эгоизм? Есть, я это точно знаю. Какой путь проложил мне Господь, чтобы исцелить эту язву души, откроет жизнь.

* * *

Был на кладбище, послужил литию. Давно не бывал там. Как-то у батюшки спросил: «Как ты думаешь, а покойники молитвы слышат?» Он ответил: «Думаю, да». Я тоже так думаю, только все это происходит не напрямую, а через Бога; для этого надо быть в духе, на одной волне с Ним.

* * *

Пишу и думаю: «Исчерпают себя мысли или нет?» Если их рождает сердце, то, наверное, нет, если же от головы, то, наверное, да, хотя мечтательности тоже нет предела, но я этим не живу или, по крайней мере, не хочу жить. А чтобы мысли шли, нужно голову отключить, порой это бывает сделать трудно или просто лень.

* * *

Опять просыпался, искал Тебя, Господь, глазами, успокаивался и опять засыпал. Наверное, что-то снилось. Почему-то ночные кошмары приносят больше тревоги, чем дневные. Казалось бы, одни и те же помыслы — ночью от них заводиться, а днем спокоен. Наверное, это зависит и от нервной системы, от того, что недоспал.

* * *

Сегодня на каноне Святой Троице, на седальнях, читали: «Господи, помилуй рабы Твоя, Тебе согрешили, но от Тебя не отступили...». Все, что в молитвах, канонах написано, написано от сердца, благодаря личному переживанию автора, и передает общий, покаянный дух человека. Грех поработил всех, но Христос победил грех и смерть. Грех — это нелюбовь, все, что в жизни не от любви, то ложь, зло и дьявол.

В жизни бывают моменты, когда нужно делать больно другому. Совесть от этого смущается, любовь уходит. Поступаешь рассудочно, делаешь шаг и ждешь, что сейчас вмешается Бог и все поставит на свои места — каждый будет жить своим сердцем, и будет понятно, кто есть кто: злой скинет маску добра, а добрый утвердится в любви.

* * *

Да, наверное, Христа можно обвинить во зле: из-за Него были убиты Вифлеемские младенцы. Он виновник их смерти, если бы Он не родился, то четырнадцать тысяч были бы живы. Смерть и жизнь в очах Божиих — одно, только в координатах вечности все становится на свои места. Сам порой идешь на эшафот, себе причиняешь боль и другим, а ведь можно было бы жить спокойно.

В голове проблемы — покой и война. Свои все струны души на пределе, и других заставляешь страдать. Может, в страдании и заключается суть всех жизненных недоумений. Только ты не ищешь покоя для тела, а ищешь жизни, пути, на котором чув-

ства режут и клокочут от того, что переживает сердце. Отшибаешь от себя то, что ведет в покойную заводь, а жизнь плоти всегда будет тянуться к этому ложному покою чувств.

* * *

Сижу, смотрю в окно и ни о чем не думаю, а ведь в миру жизнь идет: люди, вещи, машины — все движется и шует. Когда ты в скиту, думаешь, как может там течь жизнь. Наверное, это «не может быть» появляется из-за огромной разницы; тогда и не веришь, что та жизнь может быть. Если спросят меня, что я больше люблю — тишину или сутолоку, мне будет сложно ответить. Наверное, я безразличен, для меня важно занимать свое место, тогда душа от всего приобретает. Еще год назад я мог сказать: «Устал от жизни», сейчас этого нет, даже скорби несут какое-то содержание, и во всем видишь цель. Монастырь чем хорош — есть свой ритм, он дисциплинирует.

* * *

Как-то один человек просил благословения купить пистолет, в целях самозащиты. Эта мысль пришла ему из-за переживаний за детей, хотел их защитить, но в этом есть ожесточение сердца — человек готов нажать на курок.

* * *

Каждому Господь дает крест по силам. Крест — это скорби, скорби спасают и вводят в рай, но в скорбях часто бывают и утешения, разные, кому что надо, тому Бог то и дает. Что делают скорби? Они отсекают волю, научают человека слушать другую волю, волю Творца, соглашаться с ней, искать ее и в конце концов любить, любить волю Божию и Самого Бога. Это одно и то же, если кто-то говорит, что любит Бога, а волю Его не принимает, он обманывает самого себя. Ходить под рукой Божией — вот основное, чему должен научиться человек, этим он и спасается.

* * *

Интересно, люди пишут книги, много книг, сколько запечатлено в них эмоций и переживаний. Люди уходят, а частицу себя хотят оставить на земле. На Небе тоже есть книга, но одна — Книга Жизни. Кто вписан в нее, тот и будет жить. Наверное, там запечатлены переживания любви, которые не разрушаются ничем. Хочу сказать еще что-то, но мысль теряется в глубинах и понятиях этой Книги.

* * *

Интересное чувство — знаю, что мир идет к своему концу, а надежда на детей, на то, что они будут лучше и чище, есть в сердце. Наверное, с таким чувством и зачинались святые...

* * *

Вчера вечером заперевивал — если все это внутри есть, никуда оно не уйдет, на службе успокоился. Утром чувствую — опять начинает приходить беспокойство, но ничего не поделаешь, так уж мир устроен: «покой нам только снится». Интересно, человек живет семьдесят-восемьдесят лет, а сколько переживаний, сколько боли за эти годы переносит! Вот тогда и кажется, что все бесконечно на этой земле, а когда все проходит, дни летят так быстро, что даже не успеваешь осознать и прочувствовать. Переживания словно останавливают время.

* * *

Доделал сарай, засыпал стенки и покрасил внутри пол. Все равно есть пристрастие к вещам, может, даже не к вещам, а к своему труду. Ходил и любовался делами своих рук — тоже своего рода гордость.

* * *

Ничего, если надо, Бог все устроит Сам, а не надо, все так и останется.

* * *

Знаешь, чадо, во всей этой каше жизни мне нравится твое сердце (я не говорю — правильно это или нет): оно живое, любящее, в общем, очень хорошее. От всех этих передраг оно становится мне еще дороже и роднее, может быть, еще из-за того, что и сам я переживаю за тебя. Хочется все свои проблемы передать Господу. Так и надо, но это очень трудно. Полное упование и беспечалие происходят не от равнодушия, а, наоборот, от большого сердца, но, увы, такой широты мое сердце еще не достигло, оттого и волнения. Но, может, научусь?

* * *

Сегодня служил литургию и очень ясно почувствовал свою встречу со Христом: что я иду к Нему, что я хочу этой встречи и люблю Его. Пусть я забит своими мыслями, пустыми делами, пусть земное держит мои чувства, но все равно я готов все оборвать и уйти к Нему, в общем, тянет Туда. Вся жизнь должна вращаться вокруг Него, надо чувствовать Его руку — куда ведет, что хочет. Да, любовь к Богу — это глубинная любовь, она открывается в какие-то определенные моменты жизни, поэтому, наверное, глупо задавать вопрос: «А люблю ли я Бога?» Ответ будешь искать только в своей голове, а сердце будет молчать. У святых сердце всегда было открыто Богу, и они всегда стояли в Его любви, хотя и у них читаешь, что чувства постоянно менялись. Но они на это не обращали внимания, то есть делали свое дело, молились, трудились и все, что происходило внутри, или отменяли от себя — «нет, это не я», или направляли к Богу.

* * *

Разговор человека с Богом... Какое снисхождение Бога и какое возвышение человека нужно, чтобы человек говорил и Бог его слышал. Тот, Который меня сотворил, вдохнул в меня дыхание жизни, со мной говорит, а кто я и что — просто горсть земли. Мы, наверное, недопонимаем величие Божие, Его Свет, Его Силу, Его Любовь. Все же у нас есть этот примитивный взгляд, низводящий Божество до уровня человека. Когда же Он нам Себя открывает, мы уходим за рамки человеческого, оставляем все земное. Без откровения Бога, Его явления нам невозможно Его понять.

* * *

Переживаю: и одному плохо, и с кем-то, хочется поскорее уединиться. В сердце смиряюсь со всем, что Бог дает, знаю, что плохого Бог мне не хочет, поэтому и готов ко всему, хотя все нужно перетерпеть. Но Ты, Господи, молчишь, и я жду, хотя понимаю, что никакими словами или доводами не направишь судьбу в другое русло. Пусть будет все, как решишь Ты.

* * *

Мечтания навалились, в них как погрузишься, так потом не вылезешь. Дьявольское это прельщение, для ума и для сердца плохо, потом нужно время, чтобы все эти впечатления рассеялись. Ум освободился, а на сердце еще остается оскомина, ему необходимы время и физический труд или поклоны. Хотя очень может быть, что будет и не так, и опять начнется этот прилив беспокойства. Спокоен в этом отношении — что будет, то будет, от этого никуда не уйдешь. Просто немного обидно, что еще не научился подчинять свою волю воле Неба, все равно какие-то свои желания есть.

* * *

Много раз ловил себя на мысли, что в жизни все время чего-то жду: в детстве ждал окончания учебного года, потом — его начало, дальше — ухода в армию и возвращения из нее, монашества, Академии, дьяконства, священства. Вся жизнь разбита на какие-то этапы. Если же терялось это чувство ожидания чего-то, наступало уныние — к чему идти? Вот и сейчас, сколько ожиданий, сколько маленьких целей и радостей впереди, может трудно, скорбляю, но душа живет. Это мир ее переживаний и становления в любви. Пройдешь одну ступеньку, начнется другая, но многое зависит и от обстоятельств.

* * *

— Как ты думаешь, зачем тебе жизнь?

— Чтобы научиться любить и смотреть на Небо. Наверное, в этом ответе вся суть. Мало иметь любовь в себе, нужно еще и уметь любить, чтобы своей любовью ни себе, ни другим не повредить. Да, любовь как созидает, так и разрушает. А как понять, когда она созидает, а когда разрушает? Созидает, когда приобретаешь чувство присутствия Божия и понимание, что Он ведет, когда учишься спрашивать: «Господи, а Ты что хочешь?» и слышать Его ответ. Бог смотрит всегда вперед, а не на «сейчас».

* * *

Когда строишь планы и все идет своим ходом, появляется какая-то самонадеянность, а после — хлоп, что-то сбивается, дух сразу уничижается и смиряется, за печалью приходят упование на Бога и понимание, что Он управляет миром, и в смирении появляется покой.

* * *

Когда докучают помыслы, сон очень хорошо их снимает, пусть не всегда, но такие прелестные помогает снимать. Сейчас сижу и думаю: переживания созидают любовь, разрушают или

вообще никак не действуют на нее? Думаю, переживания переживаниям рознь. Любовь сама дает переживания, но они тихие и жертвенные; разрушительные переживания — от страстности и эгоизма; бывают еще переживания бытовые, но они быстро проходят. Наверное, я все эти три переживания вкусил, и теперь хоть какой-то опыт есть. Даже плохой опыт — это тоже опыт, только бы все было на пользу.

* * *

«Прости» — такое простое слово, но столько в нем сути! Все мои слова и молитвы от ума или от сердца? Наверное, от того и от другого. Когда человек пребывает в мире с Богом, он целостный, то есть его мысли и чувства — в одном духе, человек гармоничен, и его ритм — душевный покой.

* * *

Звонил один брат, от прошлой жизни ему осталась гордость, а в гордости нет ни нежности, ни любви, ни сострадания, одна голая правда. Насколько он смиряется, настолько любит и живет. Его нынешняя жизнь — это ломка себя, а это больно, тяжело: два шага вперед, один шаг назад — путь борьбы и страдания.

* * *

Часто люди своими благими намерениями делают кому-то больно, но их можно понять.

* * *

Нервы расстраиваются от мечтательности, когда сам себя начинаешь накручивать, представлять ход событий, решать их. Ум теряет свою пустоту и безвидность, а сердце — покой. Но упование на Бога все расставляет по своим местам.

* * *

«Сынок», — слышу слова мамы и думаю о том, почему мама становится источником любви, а не отец. Почему от воспоминания о ней сердце становится жалостливым и нежным? Наверное, такова природа этих отношений: мать рождает дитя, и их связывает невидимая пуповина любви. Да, если они в одном духе, а если нет, любовь молчит?!

* * *

Когда чувства любви разгорячены, не нужны условия, чтобы согреть свое сердце.

* * *

В молчании, или безмолвии, открываются очень сильно токи любви. На отшельничество можно идти только тогда, когда сердце созреет — станет болезненным, то есть уже само будет жить в любви. Преждевременное отшельничество дает душе одновременно сладость безмолвия и возрастание гордости.

* * *

Его святая воля нам во благо, а что от нас? Понять ее и исполнять.

* * *

Что ты скажешь, душа, о чем сейчас думаешь и переживаешь? Только в своих чувствах и мыслях будь со мной откровенна. Знаю, что все земное — суета, комфорт и вся эта тленная красота — уйдет в никуда, но я знаю еще и другое: за всем этим стоит суть неземная, жизнь и любовь, от которой сердце замирает в блаженной тревоге. Говори же, душа моя, говори, а я буду смиренно внимать.

Вижу дома, вижу деревья, небо и солнце, его закатившийся диск; вижу людей, машины и серый асфальт, и ты это видишь и слышишь этого мира нарастающий гвалт. Этот мир хочет и нас

погрузить в свой разрушающий шквал. Не иди у него на поводу, не живи по его воле, не насытит он душу твою, и скажу еще — хуже того, разрушит и тот малый покой, что имеешь в себе. Не иди у него на поводу, Небо даст мысли тебе, и земля даст судьбу, может быть скорбную и непростую, но любовью покрытую и смиреньем богатую. Это твой крест и это твой путь, он внутренний мир твой в тебе сохранит, любовь преумножит, смирению научит и в неизменном Божием покое тебя утвердит.

Говорю тебе, душа: пожалуйста, любовь береги и к Богу с Богом иди. В добрый путь, не бойся, смотри только вперед, не оглядываясь назад! Душа, без любви ты мертвая и для Бога, и для людей. Будь всегда в любви, ее не теряй и в жизни своей себя никогда не забывай.

* * *

Любовь и гордость — извечные вопросы, которые тревожат души людей. Думаю, где кончается гордость, там начинается приток беспредельной любви. Есть ли гордость в ощущении своего «я»? Наверное, существуют два понятия нашего «я»: «я» гордое и «я» любовное. Первое, гордое «я» — это стремление к наслаждению, использование любви других для себя. «Я» любовное жертвует собой ради других, получается — оно есть и в то же время его нет, оно растворяется в других. Когда человек умирает, «я» гордое уже не может грести под себя, собой и ради себя жить, но оно не перестает существовать, а опускается в толщу страданий от себя самого, начинает мучить, говорит: «Дай», а дать нечего. Душа страдает и таким образом гордое «я» становится мертвым, в духовном смысле слова. Любовь работает на отдачу, жертвует, а гордость — на потребление, берет для себя. Гордость — это изуродованная любовь, как раковая опухоль, которая все вытягивает для себя, чтобы только ей хорошо было. Если «я» живое, человек любит и жертвует. Если мертвое, то он не умеет жертвовать. Человек — образ и подобие Божие, но он перестает им быть, если не жертвует собой.

* * *

Философия и жизнь. Одни люди живут по каким-то принципам, другие — без всяких принципов, третьи — по совести, и во всех этих путях человеческих как-то присутствует Бог, Своими законами и переживаниями. Чему хочет Бог научить и что хочет дать? Любовь... Бог к ней ведет человека, потому что Он Сам и есть любовь.

* * *

Вспоминаю свою прошедшую жизнь. Какие-то картинки или чувства из прошлого остаются настолько яркими и выразительными, что возникает ощущение, что это не прошлое, а настоящее. В этих воспоминаниях нет системы, и невозможно ответить на вопросы, почему одни остаются в памяти, а другие стираются. Может быть, память просто выхватывает какие-то кадры из общей пленки пережитого? Может, и так. Интересно получается: я взрослый, а иногда чувствую себя ребенком, или начинаю играть с детьми и чувствую себя таким же малышом. Возникает помысл, что вся моя жизнь уже записана в моем сердце, а я только познаю ее во времени, потому что двигаюсь в нем.

Все заложенные Богом или Богом и моей человеческой волей переживания открываются по мере продвижения в этой земной системе координат. Внутренние переживания вызывают проявления внешнего мира в виде встреч, природы, окружающей нас... Я говорю о живом человеке, который все происходящее в этом мире так или иначе переживает, и в его чувствах остается отпечаток, рисуется фильм — душа живет. Этого, наверное, нет у мертвого душой человека, его фильм души — белая или черная полоса, пустой. Человек без чувств и переживаний (его «я» вышло из него самого, изнутри — вовне), человек, которому безразличны и окружающие, и он сам, — живущий мертвец. Для такого человека становится важным только одно — сохранять и поддерживать условия, в которых он так живет. Он будет всеми силами хвататься за тех, кто предоставляет ему та-

кие условия. Пожалуй, такое состояние души можно назвать деградацией, человек перестает быть человеком. Погибельное состояние души видно уже здесь, на земле, и средство спасения для таких людей одно — разрушение тех условий, в которых произрастает эгоизм.

Все больше и больше стал говорить об омертвелости души, раньше говорил о других грехах, а нынче эгоизм вышел на первое место по своей жестокости и масштабности, он ломает все: семьи, города, государства, не говоря уже о самой личности. Мир становится все более безжалостным и деспотичным, и его добро все больше и больше выделяет яд гордости. Нынешние поколения заражены духом гордости, и от поврежденного духа человек уже не исцеляется, у него уже нет той девственной чистоты любви, которую он получает от рождения. Промысл Божий совершается, но спасение от прелести как вытаскивание из болота: выберешься, но весь грязный; гордости нет, но от тебя воняет и разит нечистотой других грехов.

Наверное, для многих сейчас путь спасения именно такой, и мы многие сейчас такие. По нравственным законам, может, это совсем и неправильно, но Промысл Божий имеет только одну цель — спасение, приобретение душой любви, делающей ее подобной Богу. Думаю, это последний путь, которым Бог может провести людей к Себе. Когда слова, любовь, доброе отношение не воспринимаются, Бог использует последний способ: Он опускает человека на самое дно грехов, и тогда грешник отрезвляется, оставляет гордость и прилепляется к любви, но его любовь уже не прежняя, порхающая и красивая, а пропитанная печалью и в какой-то мере бесчувствием. Это мои помыслы о последних временах спасения, и думаю, что мы уже живем в этом времени. Так мы и спасаемся.

Как ни обращусь к самому себе, все переживаю или, лучше, болезнью сердцем. О чем? Ни о чем, просто сердце нахожу серьезным, не пустым, оно живет, вмещает в себя какие-то чувства, которые приходят изнутри и извне. Когда произрастает смирение, меньше хочешь своего, может, и делаешь по своему волею, но внутри согласен со всем, что будет давать Бог; появляется больше доверия, любви и уверенности, что Бог все делает мне во благо, даже плохое. Зло Им претворяется в добро, только надо потерпеть или не противиться, и все будет так, как нужно.

Вспоминаю геронду о. Христодула, игумена из монастыря Кутлумуш. Многие проблемы предавал в руки Божии, а это значило — во многом на самотек. Нам этого не достает — человеческими усилиями пытаемся построить и свою, и других людей судьбу. Устройство церковного человека и восприятие им мира во многом отличается от мирских. Судьба творится человеком и Богом, и нужно иметь мудрость, чтобы свое не вытесняло Божие — это своеволие, и в то же время не впасть в беспечность и не ждать, что Бог все сделает без моего участия — это тоже разрушает нашу любовь. Грань тонкая, но нужно все устроить, все приобрести опытом, в котором есть и правильности, и ошибки, все проанализировать и сделать для себя нужные выводы.

Строишь планы, что-то получается или не получается, переживаешь и думаешь, что в этом жизнь. Всегда, когда чего-то хочешь и что-то делаешь, есть доверие Богу, надежда на то, что Он тебя вразумит, куда надо направит, даст сил, мужества и всего-всего, что нужно для спасения. Наша ошибка в том, что мы подседаем на свои мысли, прокручиваем в голове ход будущего, и когда происходят какие-то нестыковки, то начинается невроз, беспокойство. Когда же опять смиряемся и доверяем Богу упрямить все, приходят покой и любовь.

Судьба — переплетение двух волей, Божией и человеческой,

без нас наша судьба тоже не будет строиться. Наверное, сердце с детства получило направление на любовь, вся цель жизни — любить, искать, жить и, насколько это возможно, раскрыться в ней. Всегда, когда переходишь на другую ступеньку любви, ощущаешь боль, от чего-то отказываешься или что-то меняешь в жизни, и только когда переболеешь, приходит свобода, свобода чувств, и от этого сердце вмещает в себя новые пространства любви. С любовью всегда связана мистика, то есть тайна внутреннего мира. Внешнее — ради внутреннего, но не наоборот, любовь внутри, а снаружи — ее проявления. Если внутри ничего нет, а только внешнее, то это страсть.

Жизнь человека может идти по двум путям: по пути любви, в жертве, и по пути эгоизма, в пожирании любви. Сердце человека принимает либо устройство жертвенности, либо эгоизма, когда из других вытягивают любовь, «только, чтобы мне было хорошо». Жертвенное сердце из злой и доброй жизни будет для себя и других создавать любовь, так оно настроено; а эгоистичное сердце делает себя уродом и ломает других людей. Когда этому сердцу перекрывают краник любви, то есть прекращается спокойная жизнь за счет других, появляется реакция сердца в виде депрессии или злобы, хотя злоба может появиться и после депрессии. Если сердце уже утвердилось в эгоизме, то озлобление наступит навсегда, если сердце еще колеблющееся, то скорбь, терпение самого себя откроют в сердце каналы любви. Жертвенное сердце всегда видно, человек становится живым, переживательным; закрытости, потаенности внутреннего мира у него нет, он становится одинаковым как внутри, так и снаружи. Его слова и дела уже говорят о состоянии сердца. Скорби должны вывести человека из состояния закрытости, потому что в этом состоянии человек не знает сам себя, какой он на самом деле.

* * *

Относительно себя... я не боюсь быть плохим, я боюсь быть не раскрывшимся, закопавшим свой талант в землю, то есть стать безвольным, безличным, боюсь оставить сердце без пере-

живаний, как плохих, так и хороших, обрести покой без любви. Я боюсь пустоты, когда душа заполняется чем угодно, только не любовью к Богу и людям.

Наверное, этот уродливый покой человек так просто не отдаст, он привык к нему, и, потеряв, будет искать его снова, если не там же, то в другом месте. Если человек пойдет опять таким же путем, это гибель, если же останется в скорби или будет любить, то спасется. В этом случае судьбу человека можно отдать только в руки Божии, а самому как-то помочь, что-то исправить или изменить невозможно. У святых отцов есть такое изречение: если человек еще что-то слушает, то его можно исправить словом, а гордого может исправить только Бог.

* * *

Кто ставит нам рамки: жизнь или мы сами? Наверное, и то, и другое. Наша судьба складывается из нашей воли и воли Божией, главное, чтобы мы сами не влезли в те рамки, которые нас повреждают. Человек, как губка, все в себя вбирает, но все плохое надо выжать из себя. Когда любовь приходит в действие, тогда и происходит освобождение души от плохого. Если любовь не действует в человеке, он становится гордым и злым. Функция любви — это жертвенность и очистка души от зла.

* * *

Но есть еще и изнеженность чувств, что это? Наверное, неумение управлять своими желаниями. Мы движемся и стремимся к устройению. Сложно в ребенке воспитать устройство, и, пожалуй, одними человеческими силами невозможно. Говорили: «После армии возмужал», да, с одной стороны так, там не смотрят на твои желания, а приучают делать то, что надо. Только часто проблема состоит в том, что, ломая свою волю, человек без любви ожесточается и перенимает этот метод воспитания себе. Поэтому в Промысле Божиим всегда есть и жесткость, и любовь.

Господь знает, что для нас лучше и как все управлять. Конечно, по-человечески хочется что-то свое вставить, самому что-то решить или время поторопить, но все надо покрывать терпением и взглядом в вечность. Господь внешней жизнью очищает гордыню ума и сердца, очищает ту молитву, которая движется внутри от налета чуждого духа. И как бы плохо или тоскливо ни было, все равно полнота внутри у нас есть, тупика и отчаяния нет. Внутри у нас есть Бог, наш внутренний мир стал живым. Главное, чтобы не было уныния. Читал как-то об Афоне, в прошлом веке жил там монах, тоска его съедала, и он все просился у духовника о. Иеронима отпустить его с Афона, но тот уговорами и в какой-то мере силою не давал ему уехать. Вскоре этот монах умер, то ли от тоски, то ли сам по себе, и автор говорит, что, вот, отмучился и с миром отошел Туда. Не знаю, насколько духовник поступил верно, думаю, может, нужно было его отпустить в Россию. Дух уныния отупляет, он Богу не нужен.

Понятия жизни и смерти такие глубокие и высокие, но бытовая жизнь вокруг нас все высокое перемешала с низким и все обезличила, но, тем не менее, из бытовухи выстраивается наша жизнь, из нее получается и итог — наша смерть. Бытовая жизнь полна однообразия и приземленности, но как раз в этом человек и определяет свое: я этим насыщаюсь, я этим живу. Неба без земли не бывает. Не думай, что ты только ешь и пьешь, смотришь телевизор, пребываешь в четырех стенах и больше ничего не видишь. В этой бытовухе я люблю, сердце живет не бытовухой, а самим собой.

О любви не говорят, любовью живут. Она по сути и есть мое «я», то, что при жизни со мной здесь, на земле, и то, что со мной уйдет за пределы материи. Смерть не имеет власти над нашей душой, смерть не владеет памятью сердца.

Когда ехал в купе Санкт-Петербург — Мариуполь, все попутчики оказались из Смоленска: бабушка с дочкой и внучкой. Внучка была больная, видимо ДЦП, звали девочку Викой. Относились к ней взрослые как к обычному ребенку — и говорят с ней, и ругают. Все как со всеми — по-деревенски, хотя живут, видимо, в самом городе. Вот интересно: перебираясь в город, люди сохраняют в себе такую непринужденность деревни. Парень, который ехал на верхней полке, тоже отнесся спокойно к этому больному ребенку, после, когда уже все заснули, долго говорили с ее матерью о всякой всячине (лучше бы они всю ночь проговорили, потому что, когда он залез спать, так храпел, что, наверное, соседние купе тоже не спали). Я его даже пару раз толкал, чтобы он на другую сторону перевернулся. Билет мне достался на место номер 13, я даже сказал: «Наверное, и отказались из-за цифры». Проводница тоже пошутила, что батюшке такое место досталось, но после я уступил место свое бабуле, а сам лег на ее место. Так и в жизни бывает — закручивается по-одному, а разворачивается по-другому, хотя не без нашей воли. Брат встретил, приехал домой, пришла мамка, все было обыденно. Когда я нахожусь там, то все время мне навеивается чувство, как в 8-10 классах — ощущение пустоты и бессцельности, наверное, ухожу во внешнюю жизнь, а внутри ничего.

Завтра праздник Рождества Иоанна Крестителя; в 2005 году в этот день умерла Ксения, 38 лет, хорошая была, в замужестве несчастная, муж пил и иногда поколачивал ее. Хотя они зарегистрированы не были, она много за него переживала, может от этого и рак получила, детей нет. Мама ее рассказывала, что когда она была маленькая, мышонка поймала, на ручки посадила и к маме бежит и кричит: «Мама, мама, у него глаза, как бусинки», а мама от нее и от этого мыша бежать, кричит ей: «Не подходи ко мне!» Один раз я ее исповедовал, добрая очень была, а после в больнице, что на станции метро «Текстильщики» уже в бессознательном состоянии причащал. Больница грязная, людей мно-

го, больные даже в коридорах лежат, обслуживают их медбратья, ворочают людей грубо, как поленья, — такова реальность жизни, и это хорошо, что хоть так.

* * *

Ехал в «Газели» в Москву, крутили наш советский фильм «Служебный роман»; никаких особых следов не оставил и «Перевозчик» — французский или еще чей-то боевик, драки, погони. Что заметил, так это фантастика, которую видишь под утро во сне, когда проснешься и уже сам управляешь сном, задаешь цель, а после только возбуждаешь нервы, и что ты хочешь, то и рисуешь.

Там в фильме даже машина без дырок и поломок, наверное, это такой стиль съемки, но все это есть в нашем сознании, поэтому, наверное, и пользуется спросом. Из-за этого фильма ночью плохо спал, все в голову лезли эти кадры, было беспокойство; если при спокойной душе такое приходит беспокойство, то нужно время, чтобы все опять улеглось, где-то 1–2 дня. Так как же те люди, которые это постоянно смотрят? Получается их покой в беспокойстве, как в Евангелие слова «если тот свет, который в тебе есть, — тьма, то какова же тьма?»

* * *

Сколько бы времени не прошло, телевизор сохраняет страсть, увлекает, ум ведется за ним. Думаю, что телевизор на любом этапе духовной жизни смотреть нельзя, даже безобидные передачи.

* * *

Эти десятилетия в монастыре, думаю, прошли для того, чтобы обрести безвидный ум, он дается от молитвы и для молитвы, от него приобретается внутренняя жизнь; с праздным же умом, наверное, невозможна никакая духовная жизнь.

* * *

Всех переживаний не объять, поэтому буду писать о текущих и наиболее ярких. Есть люди, у которых в душе полный каламбур чувств и мыслей. Рассудок заглушает все: как же трудно вырваться из его уз! И по-большому счету, человек не освободится от него, он до Бога не дойдет; хотя сам человек может быть очень хорошим и добрым. Так часто и говорят: «гордыня ума». И Адам после греха познал добро и зло чем? Умом.

Безвидный ум, тупой ум, прозрачный ум — только он может выходить за рамки земли, то есть плоти, только он ощущает Бога и его любовь. Говорю об уме, а подразумеваю и чувства сердца, одно с другим связано.

* * *

Проблема аборт — это дух времени, то есть навязывается такое мышление, ставятся какие-то определенные рамки проживания (достаток-недостаток), раньше этих понятий не было, а если и были, то они не ставились во главу угла. Да, это и есть жизнь сердца, когда любовь становится основой жизни, и человек соотносит по ней свою жизнь. Рассудок ее убивает. Надеюсь на Бога, на Его пути. Интересно, в Евангелии есть слова «Я есть путь», то есть во всем, что со мной происходит есть Бог. Бог есть обстоятельство моей жизни, но более правильно — Бог есть смирение, которое рождается от обстоятельств в душе — умирание нашего гордого «я». Бог есть Путь умирания — смирения. Когда смиряешься и оборачиваешься назад, то сердце умиляется той любви, которую дает нам Бог: какой я был, и что Бог для меня сделал.

* * *

Прочитал в Евангелии от Матфея: «Бог, Который видит тайную». Не боялся открывать Богу свои тайные помышления, даже плохие и грязные, старался жить с Ним искренне честно — «какой я есть, такой я есть», а Господь пусть Сам рассудит, что со мной делать. Если честно — милости ждал, но и гнева не боялся.

Старался в любых состояниях греха и святости быть с Ним, держать хоть тоненькую ниточку молитвы. До того как молитва не заработала в сердце, жизнь была «на терпении» — терпел самого себя, все было пусто и тупо, и только ждал...

* * *

Как жить без любви? Просто тупо, открыв рот, пропускать все мимо ушей? Да, бесчувствие порождает жестокость.

* * *

Вчера приходила раба Божия, исповедовалась, причащалась, она стала лучше, уже свет в глазах и радость есть. Может, потихоньку у нее все и управится, она ведь не плохая. Господи, как можешь и как хочешь управь путь ее, она же любит Тебя; и Ты — ее Отец, и Ты — ее Бог, спаси ее, Господи.

* * *

На днях приходил один батюшка, завелся, мутит его, а в общем этот завод и не разводился, все время он был в напряжении, ищет причин во вне, а не внутри — в смирении. Научиться смиряться в обстоятельствах, принимать за волю Божию то, что есть, а не искать того, что лучше или полезнее — я сам прошел эту мясорубку; да, видимо, она и будет по жизни идти. Моя ошибка — что пытался что-то умное и полезное сказать, а здесь не тот случай, только масла в огонь подлил, да и сам смутился и осудил, уже не первый раз на одни и те же грабли наступаю.

* * *

Сна вечером нет, засыпаю поздно, будильник звонит — не встаю, пожалуй, не лень, а саможаление, ведь можно было и в храме поспать. Надо как-то поревностней относиться к службе. Поклоны делать — это уже лень, все вокруг да около ходишь, время оттягиваешь, надо себя пересиливать.

* * *

Писать дневник мне гораздо легче и лучше, я особо ни о чем не думаю, пишу только о том, за что переживает сердце; смс же оно как найдет, да и ограничено оно, только заработает сердце, а надо уже заканчивать.

* * *

Служба прошла, наступает вечер, а с ним приходит лень и печаль, и не хочется думать. Соберется дождь или нет — непонятно.

* * *

Пойду на озеро.

На озеро пришел о. Вассиан и говорит, чтобы я помолился за упокой р. Б. Александра, заслуженного летчика России, он сегодня погиб. Учебный полет был, и при приземлении шасси сломались, самолет перевернулся и загорелся; летчику оторвало ногу, он с оторванной ногой вытащил из горящего самолета курсанта, тому ноги перебило. Александр умер от потери крови, ему было за 50. Есть у людей самопожертвование. Почему Бог одним дает, чтобы вышла гордость в грехах, а другим, чтобы реализовалась добродетель? Может, здесь другое: где есть жертвенность, там нет гордости.

* * *

Отец Кирилл всегда говорит словами ап. Павла: «Плоть немощна, а дух бодр». Наверное, молодость и жизнь — одно и то же, но она сохраняется только внутри. Христос сказал: «Я — Жизнь...», если нет любви, то нет счастья, то это не жизнь, а мука. Одни люди просто заглушают в себе все; другие ищут, но только в земной сфере, и когда не находят, то приходит отчаяние или пустота, а как надо? Без Неба, без Его воли не будет ничего — ни земного, ни небесного. Прилепиться к Небесному, а Оно уже Само выстроит все, что нужно для нас. Во всем есть навык, как говорят — вторая природа, навык к добру и ко злу, а я хочу о другом навыке сказать. Навык молитвы — это самая первая и основ-

ная ступень к Богу, без нее никуда. Как говорят «без Бога не до порога». Все, надоело рассуждать.

* * *

Прошел дождь, на улице свежо, стрекочут сверчки, день приходит к концу. Говорил с духовно близким мне братом и о духовном, и о земном, и я не устаю от этого; даже пустое оно не опустошает, а перемалывает во что-то существенное. Никогда не думал, что с человеком можно говорить и не наговориться, молчать и не намолчаться.

* * *

Жду Тебя, Господи, думаю о Тебе, но при этом в голове нет мыслей. А память держит Тебя, наверное, любовь и память — одно и то же, не зря поют «Вечная память» или можно сказать «Вечная любовь». Только, говоря о памяти, упор делается на конкретно каком-то человеке, его личности и сущности. И Вечная память без любви не бывает.

* * *

Сочинения писал в школе, в Академии, но всегда тугодумом был. Наверное, это из-за того, что надо все ловко и красиво составить и записать, а так, вроде, мыслей всегда много было.

* * *

Начал ремонт. Смотрю по себе: я или разгораюсь мыслями что-то сделать, или себя заставляю, а потом — не оторвешь, мысли начинают уходить в эту работу, а после от них не отмашешься. Про молитву забудь.

* * *

К Анатолию подходил: он задумал какую-то алхимию. Прокопали между навозной кучей между, да веток подожгли, сверху листья жести, и навоз сверху надо набрасывать, чтобы он горел. В монастыре что хорошо? Рассуждать не надо, а там — как будет.

* * *

Все-таки отличается мышление мирское. Сколько беспокойства в мыслях: «А зачем это так, а лучше бы вот так»... У монахов такого размышления нет, сказали «так» — сделали, неправильно — переделал; это уже навык ума, хотя и мирские люди есть лучше монахов и по уму и по сердцу, но общий путь вот такой. В монастыре с самого начала приучают отсекал свою волю и разум. Нет толку носить монашеские одежды, а внутри быть другим.

* * *

Интересно, Псалтирь написана из личных переживаний царя Давида, его жизнь, и грех, и святость и в его переживания Бог вкладывал Свои слова — пророчества, то есть весь жизненный путь пророка — сущностный, все не зря. Жизнь — одна и та же, грех — один и тот же, а вот состояние душ — разные, поэтому и покаяние призвано к однородности душ, пророка Давида и людей, Псалтирь — это то, к чему надо стремиться.

* * *

Два брата они во вражде были между собою, и вот тут как-то один говорит: «Ну вот с братом примирились наконец, он, сволочь, прощения попросил». Да, к сожалению, законы любви остаются только внешними, внутрь они не проходят. Смирение — «я ничто и никто и звать меня никак». С возрастом и жизненным багажом ума это очень тяжело или даже невозможно.

* * *

Приезжал паломник, он в Москве живет в частном доме. У него завелась в доме мышь, он поставил на нее мышеловку и поймал, взял этот капкан с мышью и говорит: «Вот отпусти тебя, ты же всем расскажешь, как здесь хорошо». И отвез он ее в другое место — далеко — и выпустил.

* * *

Интересное чувство — ревность. Что это — плохо или хорошо? Наверное, все же хорошо, когда это в разумных пределах. Когда нет ревности, то это безразличие и слова Священного Писания «ревность по Дому Божию снедает Меня» подтверждает это. Но и чрезмерная ревность, переходит уже в мнительность и повреждает помысл. Вот так по жизни все чувства и идут — между двух огней; так и смирение — между гордостью, чтобы охраняло его от насилия чужой воли, и нежностью, чтобы она была в покое и любви.

* * *

Я всегда переживал, чтобы произошла состыковка моя и Бога, чтобы наши любви были одинаковые, я имею в виду по природе. «Научитесь от Меня яко кроток и смирен сердцем». Любовь кроткая и смиренная, это ее природа, но любовь должно гореть, живая любовь — ревностная, не от ума, а от внутренних переживаний, в этих переживаниях есть Бог, и если умом отнять Его из сердца, то огонь погаснет и жизнь будет — «ну когда же все это кончится?». Одни люди говорят, что боятся мытарств, другие — суда, но ведь Бог все творит по любви, и если я люблю Бога то все, что Он со мной делает — доброе и злое — все по Его любви, потому что и я Его люблю. Бог — любовь, и я воспринимаю и вмещаю Его в свое сердце как любовь, как энергию, как Дух, не знаю, как еще можно это назвать. И любовь это то, что я возьму с собой туда, все остальное сгорит здесь на земле. Любовь — это сущность, и поэтому только с ней можно соединиться. Так и в Евангелии Господь говорит: «Не двое уже будут, а одна плоть», и с Богом человек соединяется в Святом Крещении.

* * *

На Афоне, я жертвовал святым: вмч. Пантелеимону, мч. Мамонту, вмч. Варваре — тем, у кого при усечении мечем излилась не кровь, а молоко. Молоко не пил. Вмч. Георгию я пожертвовал

сладоности, положил перед его иконой конфету и св. Иоанну Крестителю, вино не пил. Мне была приятна эта жертва, может месяца 3-4 это было. Когда пожертвуешь, тогда и ревность в любви появляется, и как крылья вырастают.

* * *

Приходил на озеро один отец, ему под 70, все поздоровались, а он под елкой поставил сумку свою; я не знал, что это его, и говорю, что кто-то сумку спрятал под елку, а он сразу спрашивает: «А что?!» Сразу появилась какая-то напряженность, я замял разговор, но осадок остался нехороший — смущение. Почему это так. Наверное, это все-таки в какой-то степени мнительность, а к старости она обостряется, или более явно выходит наружу.

* * *

Наверное, Бог создал звезды в память о горячей любви. Всю свою жизнь искал полноту души — любовь, это целый путь, в котором властвуют время и терпение. Для любви нужно созреть. Часто в жизни человек так и остается недозревшим плодом. Вроде и любит, а по сути-то — нет. В Евангелии есть слова: «Возлюби Господа Бога Твоего, всем сердцем, всею душою, и всею крепостию твоею...». Как я понимаю эти слова? Спишь ты, ешь ты, идешь, говоришь — всегда в памяти будет любимый, и сердце будет гореть, то есть расширять твою грудь. Если этого нет, то и любовь не созрела, а если память и чувства заполнить другим, то и хуже того: значит любовь увядает, если еще совсем не увяла.

* * *

Что во мне, не пойму... Или непослушание, или рамки правильности. Батюшка стал класть поклоны как в посту, при входе в храм. Я потерял мир — почему? Зачем? Ему высказал, хотя сам подчинился. Это гордость, есть она во мне. Если разобраться, то мне-то что, трудно сделать что ли? Нет. От гордости и дух противоречия, и непослушания и смущение.

Гордое сердце — не смиренное сердце, не знает оно жалости,

не знает оно любви, только слушает и внимает своему «я», от всех лицо свое отвращает, никому добра не дает, только одно раздражение, ропот и гнев. Вот моя жизнь, вот она — любовь бесплодной смоковницы. И итог ее — отвержение Богом.

* * *

Один брат раньше всегда себя взбадривал: «Жить стоит, даже ради того, чтобы узнать, что же будет завтра». А сейчас уже все — не хочется этого интереса, а еще больше ужасаешься: «Если сейчас так, то завтра что будет...».

* * *

Наверное, когда человек уходит в эту материальную жизнь, то душа его заземляется, появляется чувство присытливости жизнью, а от этого появляется чувство старости.

* * *

Из Белоруссии привезли бумажную икону свящ. Константина (Жданова). Пострадал в г. Полоцке от большевиков. Лопатой отрубили стопу ему, голени перебили и живого закопали, когда он очнулся пытался вылезти, но не смог, так и задохнулся. Интересно, что мы, как и он в свое время, обыденно читаем канончики, ходим на службу, а после, если сердце приобрело от этой обыденности любовь, то и предстает на страдания и смерть. Наверное, в такие часы открывается, что у тебя в душе, хотя многие спокойно проживали свою жизнь, а что там внутри — одному Богу известно.

* * *

На Афоне, в Заграфском монастыре, о. Косьма в старом корпусе нашел письмо или просто страницы дневника одного монаха. Он пишет, что любви между братьями нет, что все друг друга в чем-то подозревают, какие-то козни строят, и от этого жизнь становится невыносимой, только бы поскорее она закончилась. В то время, наверное, это было повсеместно. В Русском

монастыре была такая же картина, если не хуже: русские украинцы, национализм. Вражда! Наверное, нет страшнее страсти в душе человека, она никогда не перестает, даже во сне — война.

* * *

Да, есть внутренняя жизнь с Богом у нас, но она пустой звук, мишура, если нет в душе внутреннего огня, если нет любви и единства — двух в одном. Любовь — единит, а злоба — разделяет. Здесь — на земле — единство в какой-то степени приносит скорбь, потому что полноты его здесь невозможно достичь, и поэтому душа от этого мучается. Только Там будет эта вся полнота, только Там, будет нам то, что желает сердце, а пока... путь.

* * *

Тема любви где-то настоящая, а где-то ложная. Вчера приходил парень из Москвы, 24 года, старший лейтенант, крепкий, а с душой не порядок. Была у него девушка, жили, а после в какой-то момент она ему опротивела, почему? Были чувства, была любовь, а после в одночасье появилась ненависть.

Мой помысл: чувства пришли в возбуждение — страсть, а после они остыли и... пустота, неприязнь. Нет! Любовь она другая. Без любимого человека не мыслишь себя, это чувство появляется где-то в глубине души, а после от душевной любви переходит и на тело, то есть выражение внутреннего чувства во вне, тогда они взаимосвязаны. Я думаю, признак настоящей любви, когда нервы в покое, а любовь остается. Тогда это верная любовь, а если в покойном состоянии любовь уходит, то значит ее и не было. Я хочу сказать еще и о другом: любовь к человеку очень связана с любовью к Богу, душа испытывает внутреннюю полноту, расширение, горение, и это — благо.

Оглавление

Стихи	3
Понять любовь ...	4
Не говори, что было ...	4
Я буду Тебя любить	4
Будь осмотрительным душою	5
Скажешь: «Умри» — умру ...	7
Как много хочется сказать	7
Хочешь — Я подарю тебе свет ...	9
Как много чувств	9
Прелесть	11
Ты же знаешь	14
Искание	16
Слава Тебе!	17
Как быть	20
Адамовы слезы	20
Я раздражился на себя	23
К Небесам	25
Как плохо быть, Господь, в плену страстей ...	26
Мою любовь, Господь ...	28
Клин клином вышибают ...	28
Господи, дай открыть мне свою душу ...	31
Я хочу, покажи мне, Господь ...	33
Послушание не ради послушания, а ради смирения	34

А я окаянный	36
На свой и чужой	38
О мысли плохой	40
Подари мне лучик света ...	42
Мысли	49
Оглавление	78

Говорят, от жизни человек устаёт, может быть, но происходит это тогда, когда человек потеряет любовь, когда нечем жить и внутри совсем пусто.

Господи, спаси меня от сего!